

*Историческое
наследие*

В. А. ПОТТО

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

том

1

В.А.Потто

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

От древнейших времён
до Ермолова

том

1

СТАВРОПОЛЬ
"КАВКАЗСКИЙ КРАЙ"
1994

XIV

ГЕНЕРАЛ-АНШЕФ ТЕКЕЛЛИ

После отъезда с Кавказа генерала Потемкина, сохранившего за собой звание кавказского наместника, фактическим начальником кавказских войск остался генерал-аншеф Петр Абрамович Текелли. "Горбоносый, худой и длинный серб", - как описывает его один из русских исторических романистов¹. Это был опытный боевой генерал, один из лучших кавалеристов своего времени. Происходя от древнего сербского рода, он начал военную службу в Австрии, в рядах венгерских гусар, а в царствование императрицы Елизаветы Петровны в числе многих отличных сербских офицеров перешел в русскую армию при следующих обстоятельствах. Еще в XVII веке, во время войны императора Леопольда с турками, из Турции вышли в австрийские владения до шестидесяти тысяч сербов, которые не только помогли австрийцам освободить от турецкого ига многие венгерские и сербские города, но потом содействовали им и в деле усмирения буйных венгерцев. Отсюда начинается вековая непримиримая вражда венгров к славянам. Притесняемые мадьярами, сербы вынуждены были наконец искать для себя нового отечества и обратились к России. Полковник Хорват первый явился с целым гусарским полком, а вслед за ним стали переходить в русскую службу и другие отличные сербские офицеры, принимаемые

---

¹Данилевский "Последние запорожцы".

тем с большим удовольствием, что, помимо своей известной храбрости, они могли быть в высшей степени полезны в турецких войнах как знанием местности, так и своими связями с единоземцами. Из них тогда же были образованы гусарские полки, которые и поселены в Заднепровье, в соседстве с Запорожским войском. К числу этих выходцев принадлежал и Текелли.

В семилетнюю войну Текелли заставил говорить о себе как о талантливом партизане, не раз являвшемся достойным соперником Лаудона, Цитена и Зейдлица; на этом поприще он и положил начало своей военной славе. Слава эта утвердилась за ним еще бо-лее в первую половину царствования императрицы Екатерины Великой, когда велись непрерывные войны с турками и поляками. Израненный в боях, он воз-вратился из этих походов в чине генерал-поручика и был украшен орденами Анны 1-ой степени и Георгия на шею.

Но в истории России имя Текелли памятно более всего потому, что оно тесно связано с падением Сечи и с уничтожением Запорожского войска. Вот как рассказывает Данилевский об этом замечательном событии.

Четвертого июня 1775 года, на троицкую неделю, русский корпус венгерского выходца серба генерал-поручика Текелли, вместе с валашским и венгерскими полками другого серба, генерал-майора Федора Чорбы, двинулся к днепровским порогам. Тут было пятьдесят полков конницы - пикинеров, гусар и донцов, и десять тысяч пехоты. Войско разделилось на отряды, и без огласки занимая по пути главные села, с четырех сторон подошло к Сечи. Празднуя зеленые святки, запорожцы увидели нежданных гостей только тогда, когда они стали уже на возвышенностях вокруг Коша.

- Что, дети, будем делать? - говорил кошевой Колнышевский, разглядев из окна передовые пикеты русской армии. - То, верно, царское войско пришло, чтобы звать нас опять на турок!

- Нет, батько, - отвечали вбежавшие с поля казаки, - русские не зовут нас на турок; их пушки нацелены горлами против Коша.

Текелли подошел к Запорожью ночью, и так как все часовые по обыкновению покоились безмятежным сном, то Орловский пехотный полк с эскадроном

конницы прошел незаметно через все предместье и без выстрела занял Новосеченский ретраншемент. Наутро Текелли потребовал к себе кошевые власти и предъявил им указ императрицы об упразднении Запорожского войска.

Сечь зашумела. Более пылкие атаманы, ватажки и характерники хотели защищаться, несмотря на наведенные на них пушки, но другие, более рассудительные, мечтавшие о возрождении Сечи в другом месте и виде, уговаривали всех на время покориться. Голос благоразумия, поддержанный кошевыми властями вместе с духовенством, взял верх, и вольная Запорожская Сечь, гордая тем, что никогда никому не покорялась, пала без борьбы и сопротивления.

Текелли стал твердой ногой в занятой Сечи и начал вводить в ней новые порядки. Кошевой Колнышевский, писарь Глоба и некоторые куренные атаманы, как люди, опасные по своему влиянию среди казаков, были вывезены в Россию. Кошевой и писарь были пострижены в иноки, первый - в Соловецкий монастырь, а второй - в Белозерский, где и кончили дни свои в глубокой старости.

Но крутые меры, принимаемые по отношению к запорожцам, сделали, однако, то, что они, один за другим, тайно стали выбираться из Коша. Когда Текелли заметил это, в Сечи уже почти никого не оставалось.

- Где же ваше войско? - кричал Текелли, когда к нему привели какого-то седого сгорбленного деда.

- Как, пане, где? - ответил дед. - Оружие и прочее от нас отобрали, не стало и войска. Одни, кто женат, разбрелись по зимовникам, остальные сиромахи ушли, видно, до Турка.

Из тринадцати тысяч запорожцев, сидевших над Днепром, двенадцать тысяч действительно ушло за Дунай, в Туречину. Мысль князя Потемкина переселить запорожцев в Россию не удалась: запорожцы выселились сами.

В Петербурге были не совсем довольны таким оборотом дела, но поправить его было уже невозможно, и князь Прозоровский, приехавший сменить Текелли, нашел на месте, где стояла Сечь, лишь стенные могилы,

...что чернеют,

Словно горы в поле,

И лишь с ветром перелетным

Шепчутся о воле... -
по поэтическому выражению народного малороссийского поэта.

Прошло двенадцать лет, и мы видим Текелли на Кавказе уже генерал-аншефом. Потемкин только что уехал в Россию; войска, участвовавшие с ним в походе, не были, однако, распущены, и Текелли решился воспользоваться прекрасной осенью, чтобы еще раз сходить за Кубань и страхом разгрома черкесских жилищ обеспечить себе мирные зимовые квартиры.

Тринадцатого октября 1787 года двенадцать тысяч русского войска перешло Кубань и в несколько дней истребило все неприязненное население, гнездившееся между рекой Лабой и Снеговыми горами. В то же время донской атаман Иловайский опустошил пространство между Лабой и Кубанью, а кабардинцы, предводимые своим соплеменником бригадиром Горичем¹, привели в покорность абадзинов, бесленевцев, башильбасов и кипчакских татар. Пятьсот человек кабардинских панцирников прошли горами даже до Суджук-Кале и, рассеяв там турецкий отряд, отбили две медные пушки, которые в качестве трофеев и привезены были в Георгиевск, ставший со времени Текелли резиденцией главных начальников края. Во время этой же экспедиции кабардинцами было освобождено более ста человек русских пленных и взято тридцать черкесских аманатов, которых Текелли немедленно отправил в лагерь светлейшего князя Потемкина, давно желавшего видеть среди своей свиты воинственных представителей кавказских народов.

В походе Текелли кабардинцы в первый раз являются в рядах русских войск, и этот первый опыт увенчался, казалось, полным успехом. Их подвиги были замечены, про них заговорили, особенно после того, как стало известно, что кабардинцы, оставшиеся дома, помогали охранять терские станции и даже раз под предводительством Горича-

---

¹Два брата Горича, кабардинцы по происхождению, долго служили в России. Старший был бригадиром, а младший - генерал-майором польской службы. Последний командовал одно время Терским казачьим войском, а старший предводительствовал кабардинцами в походе Текелли. Позже он был убит под Очаковым.

младшего напали на чеченцев, возвращавшихся из набега, и отбили у них весь русский полон. Один Текелли, суровый и всегда осмотрительный, не спешил расточать похвал кабардинцам - он не доверял их бескорыстной службе. И он не ошибся. Едва кабардинцам объявили отказ на их домогательства получить обратно земли, отошедшие под русские укрепления, как ревность их охладела, и в следующем году они не только не приняли участия в походе Текелли, но в продолжение его даже несколько раз тревожили Линию набегами.

Турецкая война между тем разгоралась. Получены были известия, что турки хотят овладеть Тавридой, и князь Григорий Александрович Потемкин, озабоченный этим обстоятельством, предписал Текелли как можно скорее начать военные действия против Суджук-Кале или Анапы.

Разлив Кубани не допустил, однако, открыть кампанию ранее осени 1788 года. Летом небольшие летучие отряды русских войск время от времени появлялись на левой стороне Кубани и производили там поиски. Самый удачный из них был в середине августа, когда бригадир Берхман с небольшим отрядом истребил несколько аулов в земле абадзинов, сжег их хлеба и возвратился с большой добычей. Но главные силы под предводительством Текелли перешли Кубань только девятнадцатого сентября несколько ниже теперешней Усть-Лабинской крепости, где был тогда Петровский редут. Неприятель всюду отступал, и только двадцать первого сентября произошло довольно срьезное столкновение, в котором был убит казачий полковник Барабанщиков. Между тем густой дым сигнальных костров, поднимавшихся кругом по вершинам гор, указывал на близкое присутствие горцев. Поэтому Текелли отправил небольшой отряд под командой подполковника Мансурова для рекогносцировки верховой реки Убына. Но едва отряд отошел на один переход, как двадцать шестого сентября был атакован восьмьютысячным скопищем горцев. Бешеная атака их заставила отряд остановиться; к горцам между тем подошли турецкие войска с восьмью орудиями, и отряд очутился между двух огней. Мансуров, построив пехоту в каре, пять часов отбивался от неприятеля, в то время как на флангах у него кипели горячие кавалерийские схватки.

Замечательно, между прочим, то обстоятельство, что терскими и гребенскими казаками в этом бою предводительствовал отважный подполковник Селим-Гирей, родной племянник последнего крымского хана, а турецкой конницей командовал отец Селима, Батый-Гирей, некогда мечтавший овладеть крымским престолом, и им не раз приходилось сходиться в рукопашных схватках. Сын остался победителем и вынудил своего отца покинуть поле сражения; черкесы были разбиты, и гребенцы с боя взяли неприятельское знамя. Вечером на помощь к Мансурову подошел князь Ратиев, а вслед за ним стали показываться и главные русские силы. Появление их окончательно решило участь боя: неприятель отступил, потеряв, как говорят, более тысячи человек. Потери русского отряда были также значительны: из строя выбыло до двухсот пятидесяти нижних чинов.

После этого сражения Текелли вошел в неприсутные горные ущелья и, произведя страшное опустошение в жилищах закубанских народов, повернул к Анапе с целью сделать попытку овладеть этой важной крепостью.

Четырнадцатого октября два батальона егерей, поддерживаемые драгунской бригадой и Волжским казачьим полком под командой полковника Германа произвели усиленную рекогносцировку. Заметив приближение наших войск, турки притаились за крепостными стенами, но лишь только драгунские эскадроны, далеко опередившие пехоту, подошли на пушечный выстрел, они открыли огонь из всех орудий. В ту же минуту турецкая пехота, высыпавшая на вал, выставила множество знамен и бунчуков. То был как бы условный сигнал, по которому горцы, скрывавшиеся дотоле в лесистых ущельях, вдруг выдвинули против русских одиннадцать орудий и под прикрытием жестокого артиллерийского огня бросились в атаку. Янычары, в свою очередь, вышли из крепостных ворот, чтобы отрезать драгунам отступление. Положение русской конницы было отчаянное. К счастью, в эту минуту подоспели два батальона пехоты, которые принялись драгун на себя и дали им возможность отступить в порядке. Пехоте одной пришлось теперь оспаривать сражение у всей черкесской силы. Сражение завязалось упорное,

особенно в деревне Кучугуры, откуда никакие силы янычар и горцев не могли выбить русских егерей, засевавших между кустами и камнями. Им приходилось умирать на месте, не помышляя об отступлении, и они, конечно, были бы подавлены сильнейшим врагом, если бы не подоспел на выручку отряд под предводительством генерал-майора Ратиева. Неожиданное появление свежей русской колонны заставило неприятеля очистить дорогу егерям, которые, отстреливаясь, отошли на гору, под прикрытия артиллерийского огня авангарда. Между тем смерклося, и наступившая ночь прекратила сражение, продолжавшееся более семи часов сряду.

Число турок и горцев, защищавших Анапу, оказалось значительным, и Текелли, понимавший трудность овладения Анапой при господстве турецкого флота на Черном море, отошел за Кубань.

Двухмесячный поход Текелли к Анапе был первым продолжительным серьезным наступательным действием русских в неприятельские земли. Наступление было ведено с большой осмотрительностью, и генерал Текелли, человек очевидно опытный, предусмотрительный, не увлекавшийся желанием громких дел, довольствовался только достижением главной цели - обезопасить русские границы от покушений турок. И цель эта была вполне достигнута. В то же время были исследованы все дороги, ведущие к важной приморской турецкой крепости, собраны сведения о местном населении, о его силе, об отношениях племен друг к другу, и записка Текелли, поданная Потемкину, не лишена интереса даже и поныне.

Окончив экспедицию, Текелли, к общему сожалению, вышел в отставку и в том же 1788 году умер. Прибывший на место его генерал-аншеф граф Иван Петрович Салтыков оставался на Линии лишь несколько месяцев и был отозван на пост главнокомандующего Финляндской армией.